

— Я хорошо знаю характер своего сына. Не позволяй временной радости ослепить тебя. Вы из разных миров, и, пытаясь быть вместе, только навредите друг другу. Это не принесёт пользы ни тебе, ни ему.

Голос Бай Цэня внезапно стал старше, даже с оттенком скорби:

— Дитя, я знаю, это трудно, но как отец я умоляю тебя — оставь моего сына.

По пути домой Вэй Чжинин зашёл в аптеку и купил мазь от ушибов. Когда он вернулся, было уже за десять вечера, к счастью, Тяньтянь, которой на следующий день нужно было в школу, уже спала, иначе, увидев его в таком состоянии, она бы разбудила всех соседей.

Однако его появление с опухшей щекой всё же напугало тётю Чжоу, которая подумала, что на него напали хулиганы.

Вэй Чжинин отмахнулся, сказав, что это произошло во время репетиции, и тётя Чжоу вздохнула, говоря, что на репетициях нельзя так усердствовать, это слишком страшно.

— Ладно, тётя Чжоу, если ты будешь так волноваться, Тяньтянь точно проснётся. — Вэй Чжинин прервал её усталым тоном:

— Иди спать, завтра нужно собирать вещи для переезда.

— Ах да, переезд. — Тётю Чжоу это напомнило, и она спросила:

— Господин Вэй, когда мы переедем, старую мебель оставим здесь или тоже заберём?

Вэй Чжинин оглядел комнату. Старая мебель — это всего лишь диван, стол, тумба под телевизор и несколько стульев, плюс кровать и простой шкаф в спальне. За годы использования они приобрели следы времени и запах старости.

— Оставим здесь.

— Значит, в новом доме нужно будет купить новую мебель?

Вэй Чжинин кивнул:

— Да, когда через пару дней найдём дом, ты с моим ассистентом сходите в мебельный магазин. Выберите что-нибудь, лучше, чтобы было в наличии, нам нужно быстро.

— Хорошо, господин Вэй, можете на меня положиться.

— Завтра я весь день... — Вэй Чжинин вдруг замолчал. Он хотел сказать, что завтра его не будет дома, но потом подумал, что если его роль в «Полночном рассвете» заменят, то, возможно, он останется без работы на какое-то время.

Ли Пэйжань, наверное, тоже будет разочарована. Этот проект и так казался ей странным, а теперь, когда он ускользнул, он не мог объяснить все нюансы и мог только считать себя бесполезным.

— Завтра...

Тётя Чжоу стояла и ждала, пока Вэй Чжинин, пережёвывая свои мысли, наконец, не выдохнул:

— Завтра посмотрим, иди спать.

Наконец, уговорив тётю Чжоу уйти, Вэй Чжинин сел на диван в гостиной и долго смотрел в одну точку, чувствуя тяжесть в груди, словно там застрял комок, который он не мог объяснить, только ощущал, что задыхается.

— Простите, режиссёр Бай, я не могу сказать ему, чтобы мы расстались. Ему будет очень больно, я не смогу.

— Ему больно, потому что он всё ещё любит тебя. Ты должен сделать так, чтобы он перестал тебя любить, и тогда расстаться будет не так сложно.

Когда-то он слышал, что в моменты сильной печали память может искажаться, и болезненные воспоминания стираются из гиппокампа мозга. Вэй Чжинин не знал, есть ли научные основания для этого, но в его случае это точно не работало.

Он прожил уже немало лет, и глубокая боль пронизывала почти каждый отрезок его памяти.

Родительская любовь была для него чем-то очень далёким, менее важным, чем вопрос, что он будет есть завтра на завтрак.

Он не чувствовал на себе той самой родительской любви, но всегда мог увидеть её со стороны, наблюдая за другими.

Например, как Вэй Шэннань изо всех сил вырвала дочь из рук того мужчины и выбежала за дверь.

Или как Бай Цэнь, опустившись перед ним, умолял его оставить своего сына, с решительным и скорбным взглядом.

Большинство родителей в этом мире любят своих детей, но история о глубокой родительской любви с самого начала не была написана в его жизненном сценарии.

Но что с того?

Он всё ещё жив, и своей жизнью он доказал, что родительская любовь — не обязательная вещь, без неё можно жить.

А что насчёт любви?

Когда Вэй Чжинин, преодолевая боль, принял душ и вернулся в спальню, экран его телефона на тумбочке как раз погас. Он словно замер на пороге, боясь подойти.

То, что он так ждал, теперь стало невероятно трудным.

И, как ни странно, в этот момент он вдруг понял чувства Бай Цэня, его отцовскую любовь.

Кто-то должен сиять в цветах и блистать, и горести этого мира не для него.

Вэй Чжинин медленно подошёл к кровати, взял телефон и разблокировал экран. Наверху был последний звонок от Бай Лишэна.

Он словно в трансе смотрел на разблокированный экран, пока вибрация нового сообщения в WeChat не вывела его из оцепенения.

[Учитель Бай]: Только что вернулся в отель, сначала приму душ. Когда доберёшься домой, напиши.

Вэй Чжинин сел на кровать, пальцы замерли над клавиатурой, и он набрал сообщение.

— Дома, был в больнице, всё в порядке. Ты отдыхай, я тоже ложусь спать.

Следующим мгновением пришёл запрос на видео звонок. Вэй Чжинин вздрогнул, и его рука, опережая мысли, нажала на кнопку ответа.

На экране появилось то самое лицо, которое он так хотел видеть, по-прежнему безупречное, только в глазах читалась усталость, но в них также светилась чистая и нежная теплота, прямо смотрящая на него.

В следующее мгновение брови Бай Лишэна нахмурились, и в его взгляде читались одновременно забота и строгий вопрос:

— Что случилось с твоим лицом?

Вэй Чжинин вдруг вспомнил о явном следе от пощёчины на правой щеке и в душе выругался. Его мозг заработал на полную мощность, пытаясь придумать оправдание.

— Прости, я соврал. — Он искренне извинился, а на его бледном лице виднелись страшные синяки, добавляя ему жалкого вида. Он опустил глаза и тихо сказал:

— На самом деле я поссорился с соседом снизу и подрался...

Бай Лишэн с холодным выражением лица, но с болью и гневом в глазах спросил:

— Я не понимаю, зачем ты в таких вещах врешь?

Вэй Чжинин прикусил нижнюю губу, уголки рта опустились:

— Я виноват, учитель Бай. Впредь... — Он замолчал, фразу «я больше не буду тебе врать» проглотил и, перевернув её в голове, выдал совсем другое:

— Я буду осторожнее.

Бай Лишэн выглядел так, словно хотел его отругать, но в конце концов только заботливо спросил:

— Кроме лица, ещё где-то поранился?

Вэй Чжинин покорно ответил:

— Ещё ударил ногу, больше ничего. — И добавил:

— Правда, больше ничего.

Затем его влажные и невинные глаза смотрели на Бай Лишэна через экран.

— Покажи.

Вэй Чжинин не посмел возражать и аккуратно направил экран на ушибленное колено,

объясняя:

— Кость не повреждена, просто капилляры лопнули.

Когда он вернул экран на место, Бай Лишэн спросил:

— Из-за чего ты поссорился с соседом?

— Пустяки, учитель Бай, ты бы не понял. Но не волнуйся, я скоро переезжаю.

Бай Лишэн понял:

— Компания предоставила тебе квартиру?

— Ты уже знаешь?

— Ли Пэйжань как-то упомянула.

Вэй Чжинин кивнул, а затем Бай Лишэн спросил:

— А твоя сестра?

Вэй Чжинин не ожидал, что он вспомнит о ней, и почувствовал прилив тепла, который быстро сменился невыразимой болью.

Эта нежность скоро уйдёт, и он сам станет причиной этого.

Ему вдруг стало так больно, что он едва мог дышать, и он поспешно опустил глаза, избегая заботливого взгляда на экране, и равнодушно сказал:

— Я заберу её с собой, найдём дом рядом с квартирой, за ней будет присматривать тётя.

— Дом уже нашли?

Он не знал, нашел ли Фу Чжэньюань дом, но кивнул:

— Нашли.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16173/1450465>